

Барак, как среда обитания

О новом фильме Валерия Огородникова

Англичане восклицают: "Мой дом — моя крепость". Американцы прячутся за дверями аккуратных коттеджей. Изнывают в пламенных страстях обитатели латиноамериканских фазенд... Для Советской России Домом был Барак. Корни у него явно лагерные, рожденные нашей исторической конкретикой, системой, упорно загонявшей людей в прямоугольные деревянные строения. Сгоняли туда и в лагерях, и на свободе — там, где разворачивалась очередная стройка века. Разница была, пожалуй, в том, что якобы свободные граждане иногда имели возможность разделить барак на клетушки и жить как бы в изолированных комнатах. Во всяком случае такая иллюзия имела место...

На самом же деле это оригинальное, истинно советское изобретение удивительно точно отражало взаимоотношения масс и властей, причем и для тех, и для других полукоремный быт был подлинной нормой жизни.

Барак невольно соединял и даже надолго объединял разных людей, создавая некое подобие семьи — шумной, склочной, доброй и злой. С фарсовыми и трагическими ситуациями. Словом, как бывает в обычных семьях.

Примерно так воспринимает режиссер Валерий Огородников советский Дом-Барак, видимо, хорошо знакомый ему с детских лет. Он оборачивается в прошлое, восстанавливая подробности, лица, ситуации. Не случайно картина Огородникова под названием "Барак" изобилует стоп-кадрами — вспышками памяти, хранящей сдустки пережитого, что уводит фильм от бытовщины, от очередного поклона "чер-

нухе", упоенных проклятий в адрес прошлого. Хотя действие "Барака" отнесено к весьма драматической эпохе — прошло только три месяца после смерти Сталина. В стране практически еще ничего не изменилось. Тем более в захолустном уральском поселке, где люди и не подозревают, что грядут перемены и что в их жизни уже рождаются новые токи, подспудно будоражащие души. Огородников поставил фильм по новелле Виктора Петрова "Ольга-ледоход", и слово это — "ледоход" — незримо присутствует в движении картины, напоминает о себе с нарастающей спокойной силой. По внешним параметрам этот фильм — поток дней, нескольких недель или чуть больше, когда все, кажется, течет так же, как всегда. Но неуклонно развивается мысль о том, что каждый из нас рожден для личной свободы, потому что только так он может сполна выразить и обрести себя.

В бараке живут русские и татары, еврей и немец. Некоторые от рождения провели жизнь в таких условиях, иные были заброшены сюда войной, судьбой. У них разный способ постижения мира, разные душевные перепалы и отчасти разный социальный статус при давней, общей притерпелости к подобному образу жизни. Притом что определенный дух сопротивления присутствует. Толчок, поначалу внешний, дает приезд в поселок молодой женщины, новой обитательницы барака, пережившей ленинградскую блокаду. Играет ее актриса Юлия Свежакова, дебютантка в нашем кино.

Эпической ленте Огородникова нужна, необходима такая фигура, не смыкающаяся с законами обща-

ги, с привычной жизнью на виду. Героиня не приемлет грубости и обнаженности интима, принятых здесь как данность. Она не позволяет видеть в себе покорную чужой воле женщину, которая легко подчинится мужчине, хотя бы для того, чтобы найти в нем защитника. Юлия Свежакова с первых минут притягательна точностью облика женщины первой послевоенной поры, той двойственностью, которую наложило на нее время. В ее чертах прошлое оставило неизгладимый след. Она никогда не избавится от этой хрупкости раненого, но выжившего, несмотря ни на что, существа от физической слабости и душевного слома. Но в ней есть негасимый стержень стойкого оловянного солдата, готовность взять на себя любой тяжкий долг, свой и чужой. В этом первое пересечение бывшей блокадницы и тех, кто будет жить рядом с нею.

Запечатленное на экране как бы вольное, свободное течение дней на самом деле внутренне прочно сцеплено смысловыми, эмоциональными кульминациями, набирающими силу к финалу, который, по сути, пик и исход, разрешение потока накопившейся внутренней энергии, попытка сбросить страх, навязанный режимом. Пожалуй, сильнее всего эта тема звучит в короткой истории бывшего военнопленного, оставшегося в России, в бараке, рядом со своей русской подругой, ожидающей от него ребенка.

Молодой немец (актер Андреас Дильшнайдер) достойно принимает все, к чему обязывает его горький статус бывшего врага, при этом не склоняя головы в унижительном страхе. Его внутренний покой, достоинство, умение понять других

ценят соседи. Особенно начальник местного отделения милиции, живущий здесь же с маленьким сыном. С этим персонажем (в исполнении Евгения Сидихина) связано как бы еще одно точнее ретро: возвращение актерского типа из 50-х годов.

Простой милиционерский начальник стремится обеспечить родному бараку относительно спокойное существование. Более всего он опасается за немца, не только потому, что он — первый в ответе, ежели что произойдет. Еще и потому, что тихий, мирный немец все время сталкивается с высланным сюда же, живущим здесь же, в бараке, предателем, обрекавшим на смерть соотечественников во время войны. Предатель — единственный, кто терзает немца его прошлым. По принципу: камень бросает в гонимого еще больший грешник...

Неожиданно в фильм забавной новеллой входит сюжет о еврее-инвалиде (Леонид Ярмольник), занимающемся изготовлением порнографических открыток, которые он "создает" на основе рембрандтовской "Данаи", монтируя репродукцию с лицом своей любовницы. Комедийная, чуть даже фарсовая линия фотографа и его пышнотелой "Данаи", на которой он в конце концов женится под давлением ответственности, контрастирует с ожиданием неотвратимой катастрофы — неизбежной схватки немца и предателя. Все построено, с одной стороны, на сниженных, обыденных, неотразимо жизненных деталях, с другой — на сломе запретов, ведущих к гибели осмелившегося взбунтоваться. Огородников не сводит все к простой схеме: переплетение глубоко драматических и комедийных моментов в изображении среды, чувство сострадания, которым живут и автор, и большинство его героев, рождает особую объемность, воздух фильма. Иначе невозможно описать вывихнутый и заново складывающийся мир.

...Еще гремит свадьба фотографа, когда немец убьет предателя. Как бы вдруг, хотя на самом деле все к тому шло. А в это время жена родит ему сына. С этим немец уходит на смерть, иного будущего у него быть не может. Но он продолжится в своем мальчике... Огородников в финале апеллирует не к прошлому, а к будущему. Новорожденный — символ вечной обновляемости мира, и жизнь так или иначе берет верх над смертью.

Обращаясь к прошлому, режиссер не ворошит погасшие угли. Он соединяет сегодняшнее драматическое безвременье и момент первой, едва осязаемой вспышки надежды. Слишком дорого было заплачено тогда за наше прозрение, чтобы ныне так легко от всего отжаться.

Кадр из фильма "Барак"

Эльга ЛЫНДИНА

9.9.99

Огородников Валерий